

КУРДЫ

ЛЕГЕНДА
ВОСТОКА

МОСКВА
2018

Е. И. Васильева

9

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ КУРДОВ

Мидяне удалились в неприступные обиталища и начали позднейший период своей истории под именем Гордиены, или курдов.

Э. Б. Соун. По Месопотамии и Курдистану шикогито

Историю курдов делят на три больших периода. Первый период охватывает VII—XV века — это время арабских и тюрко-монгольских завоеваний, возникновения независимых курдских династий. Второй период — с XVI до середины XIX века — характеризуется становлением могущественных государств, Османской Турции и Сефевидского Ирана, которые осуществили раздел Курдистана. Третий период — с середины XIX века до настоящего времени — это начало национально-освободительной борьбы курдского народа, продолжающейся поныне.

Единого государства курды создать не смогли, хотя историю многомиллионного народа исчисляют тысячелетиями. Из столетия в столетие курдские территории входили в состав государств и империй, правители которых на время объединяли страны и народы Среднего и Ближнего Востока. История региона Среднего и Ближнего Востока связана с чередованием центростремительного и центробежного процессов. Силой оружия это этнически пестрое, лоскутное пространство на время превращалось в супердержаву. Затем следовала центробежная волна, и наступал более длительный период дробления и торжества государственности локальных масштабов. Курды в политической жизни региона принимали активное участие. Но, пропуская через себя все коллизии меняющейся политической ситуации, курдский мир не позволял себе в ней растворяться.

В труднодоступных горных областях Курдистана реальную власть над его населением установить было трудно всегда, тем более — удержать ее надолго. Даже влиять на эти территории без диалога с политическими лидерами курдов было практически невозможно. Каждое столетие курдской истории было отмечено восстаниями и готовностью поддержать любые выступления, направленные против центра.

В недрах чуждой для них государственности курды сохраняли свои социально-политические структуры и хозяйственные механизмы, которые были органичны для курдского общества и на которые оно было ориентировано. Курды сохраняли свой язык, обычаи, законы и традиции — отчасти в этом секрет их жизнестойкости. Во многом благодаря этому курды не утратили национального единства и в настоящее время находятся в авангарде борьбы с мировым злом.

Период появления и объединения племен, которые стали этническими предками курдов, невозможно обозначить с определенностью, и вопрос о происхождении остается спорным. Единственное, в чем единодушны все, — это то, что проживают курды в горах Северной Месопотамии с глубокой древности.

1) История Курдистана
[Монография] /
[М. С. Лазарев, Ш. Х. Мгон,
Е. И. Васильева и др.].
М., 1999. С. 22.

На этой территории, где возникли древнейшие центры мировой цивилизации, находился «твердо установленный очаг первоначального этногенеза курдов» — таково заключение российского курдолога М. С. Лазарева¹.

Жизнь курдского народа проходила отнюдь не на обочине исторического процесса. В Двуречье, где курды проживают с древнейших времен, зародилась мировая цивилизация, и курды вышли из самых глубин горнила, в котором происходил процесс выплавки этнических общностей Ближнего и Среднего Востока. К исконно курдским областям, где с наибольшей отчетливостью прослушивался пульс культурной и политической жизни Курдистана, можно отнести Бохтан — его называют колыбелью курдской нации, — Хаккари (Хаккяри), Бахдинан, Шахризур, Арделан и Соран. Перечень неполон без Мосула — его население тоже состояло главным образом из курдов. Во времена Халифата Мосульская область оставалась оплотом курдского противостояния и сопротивления, местом притяжения политических движений и сил, направленных против центральных властей.

Широкой полосой располагались курдские области по обе стороны горного хребта Загрос: от горы Арарат на севере до города Мендели на юге, от реки Евфрат на западе до Хамадана на востоке. В древности город Хамадан был

Гянджنامه. Клинописная надпись времен Дария
в окрестностях Хамадана

© Архив востоковедов ИВР РАН,
фонд В. Ф. Минорского

столицей Мидийского царства и назывался Экбатаной, именно с мидийцами связана наиболее интересная и правдоподобная версия происхождения курдов. «Занимая западную окраину страны древних мидийцев, они (курды. — Прим. Е. И. Васильевой) являются одними из их прямых наследников», — писал В. Ф. Минорский². Известный ученый не сомневался в мидийском происхождении курдов. В 1938 году в Брюсселе, на XX съезде востоковедов, он выступил с историко-лингвистическим доказательством своих выводов и выразил уверенность в существовании мидийской базы в основании единства курдов. Доклад был опубликован в 1940 году.

К такому заключению пришел не только В. Ф. Минорский, его точку зрения разделяют и другие ученые. Близкую позицию в вопросе о значении мидийского фактора в курдской истории занимает, например, нидерландский исследователь Мартин ван Брёйнессен. Судя по книге курдского историографа Али Акбара Курдистани, во второй половине XIX века в среде курдских и иранских интеллектуалов такое мнение существовало почти на уровне аксиомы³. О мидийском присутствии в отдаленной истории курдов писал Э. Б. Соун (Сон), английский разведчик и политический функционер, ставший позднее видным курдологом.

2) Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915. С. 3.

3) Курдистани, Али Акбар Хро-нист. Сад царства Насира / пер. с перс. Е. И. Васильевой. СПб., 2012.

Он многое понял в стране курдов и в ее прошлом. Его книга содержит весьма интересное высказывание, которое мы не преминули использовать в качестве эпиграфа. В нем ясно и образно обозначены позиция автора и отчетливо ощущаемое им родство и преемственность мидийцев и курдов.

Шах Санджар и старуха.
Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами

Появление названия Курдистан отнесено историками к XII столетию и правлению сельджуцкого султана Санджара (1117–1157), приказом которого Курдистаном была поименована область (вилайет), переданная в управление султанскому племяннику. Этот исторический факт вместе с описанием вилайета Курдистан и его шестнадцати районов приведен в сочинении персидского историографа Хамдаллаха Мустауфи Казвини «Нузхат ал-кулуб» («Услада сердец»), завершеном около 1340 года.

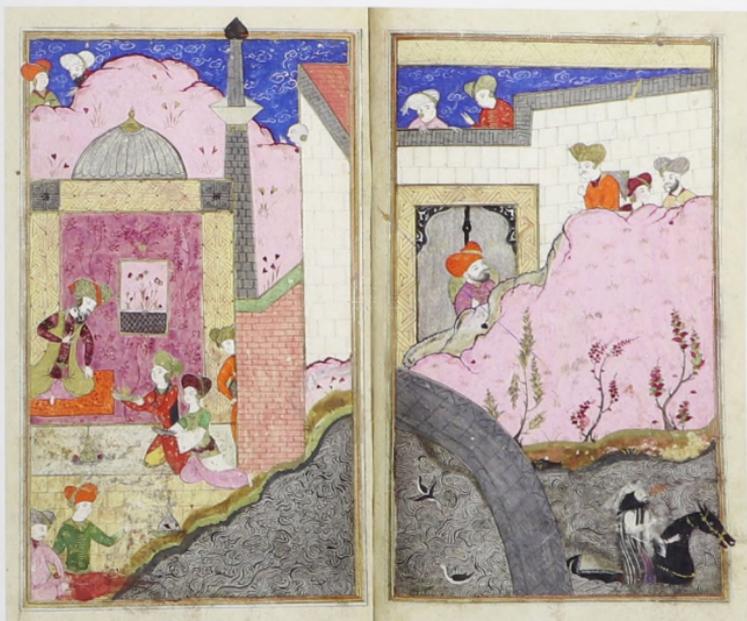
Книга Хамдаллаха Казвини считается первым историческим сочинением, где упоминается название Курдистан, а эпоха султана Санджара — временем его появления. Такой вывод в одних публикациях предлагается с долей гипотетичности, в других — как неоспоримый факт. Представляется, что время для категоричного ответа на этот вопрос еще не наступило. Более раннее упоминание названия Курдистан встречается, например, на страницах «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»)⁴, исторического труда Рашид-ад-дина Фазлаллаха Хамадани, законченного в 1310 или 1311 году, за несколько десятилетий до книги Хамдаллаха Мустауфи Казвини. Это доказывает, что для окончательного вывода потребуются тщательное прочтение источников.

Описанная в «Нузхат ал-кулуб» территория вилайета Курдистан представляла собой лишь юго-восточную часть реального географического пространства, заселенного курдами: области от Шахризура до Хамадана. Судьба названия Курдистан как официального наименования весьма примечательна. Оно всегда употреблялось лишь применительно к отдельным частям курдского этнокультурного пространства и накладывалось на заселенные курдами

4) Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. А. К. Арендса. Т. 3. М.: Л., 1946.

территории исключительно в урезанном виде. Этнокультурная реальность приносилась в жертву политическим интересам государств, из века в век кромсавших страну курдов на части. За этой урезанностью, исковерканностью судьбы названия — трагедия истории самого народа.

© Bodleian Libraries, University of Oxford

Иллюстрации к «Шараф-наме»

Первым, кто в своем описании охватил весь курдский этнокультурный массив, был основоположник курдской историографии Шараф-хан Бидлиси (1543–1604). Написанная им четыре столетия назад книга «Шараф-наме»⁵ уникальна. Впервые воедино, по крупницам были собраны сведения по истории курдского народа.

Для автора «Шараф-наме» Курдистан — понятие вневременное, извечное, как извечно отведенное историей пространство для проживания его народа. Правителями Курдистана именуются все курдские династии, в том числе и те, что появились до эпохи сельджукских султанов. Во введении к своей великой

5) Название имеет двойной смысл: «Книга Шарафа» или «Книга чести».

6) **Диарбекир** (Дийар-Бакур, совр. Диярбакыр в Турции) — город на левом берегу Тигра, в области к югу от Эрзерумского и Бидлисского вилайетов. В Средние века назывался Амид или Кара-Амид из-за черного цвета его стен.

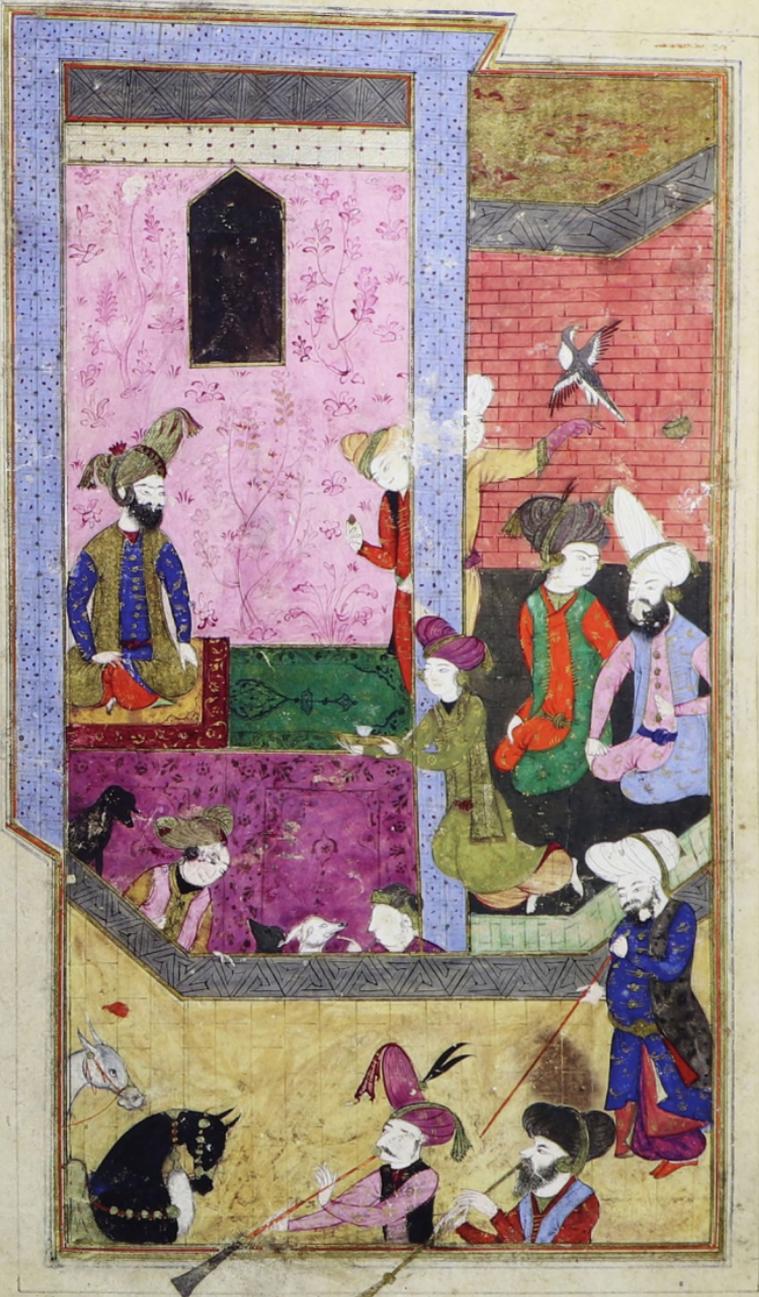
7) **Бидлиси, Шараф-хан ибн Шамсадин**, Шараф-наме / пер. Е. И. Васильевой. Т. 1. М., 1967. С. 82–83.

книге Шараф-хан Бидлиси написал: «Начинается вилайет Курдистана с Хормоза, который находится на берегу Индийского океана. Оттуда граница тянется по прямой линии и подходит к вилайету Малаты и Мараша, где и кончается. С севера эта линия проходит через области Фарса, Ирака Персидского, Азербайджана, Армении, с юга — через Диарбекир⁶, Мосул и Ирак Арабский. Однако ее ответвления простираются от самых отдаленных [районов] восточных провинций до окраин западных областей»⁷.

Описание Шараф-хана не содержит перечня конкретных названий исторически сложившихся курдских областей. Автор поведал нам лишь об обширности, протяженности страны проживания курдов, которая, в его видении, простиралась от Индийского океана до Азербайджана. Для него было главным собрать в ней воедино всех курдов, независимо от их вероисповедания,

Иллюстрации к «Шараф-наме»

диалекта курдского языка, на котором они говорили, даже от того, как они порой предпочитали сами себя называть: езидами, горанами, курманджи или заза. Для автора «Шараф-наме» они представляли один народ, который назывался курдским и состоял из четырех лингвокультурных групп: курманджи, луры, кельхоры и гораны.

Для Шараф-хана Бидлиси географическая составляющая курдской истории была, несомненно, важна, но большего внимания он ей уделять не стал, интуитивно понимая, что время для этого не пришло. К XVI столетию заселенные курдами территории еще не получили той четкости границ, которая появляется с обретением государственного статуса. Именно это обстоятельство, как представляется, и позволило российскому востоковеду В. П. Никитину принять название Курдистан за «термин условный и меняющийся во времени и пространстве»⁸. Задача Шараф-хана Бидлиси — показать, что существует курдский народ, имеющий свою территорию и свою историю.

8) Никитин В. Курды. Пер. с фр. М., 1964. С. 72.

Иллюстрации к «Шараф-наме»

К XVI веку, который в курдоведении принято называть эпохой Шафаф-хана Бидлиси, курды прошли долгий исторический путь, видели взлет и падение многих империй. Прекратила существование Сасанидская держава, ее области поглотил Халифат, и курдские территории стали его частью. Затем мощный сельджукский кулак собрал воедино страны и территории Среднего и Ближнего Востока. Следующие ураганы, пронесшиеся над страной курдов, связаны с монголами и туркменами.

Территории, на время присоединенные силой оружия, сохраняли свои хозяйственные и административно-фискальные структуры. Это наблюдение принадлежит российскому историку О. Г. Большакову и основано на исследовании истории Халифата. В Курдистане и в эпоху Халифата, и в последующие столетия преобладали традиционные для страны курдов хозяйственные механизмы и социально-политические структуры.

Курдистанские горы в обрамлении плодородных долин и множества рек и речушек таили в себе двойной экономический потенциал. В самой географической среде, в чередовании пригодных для земледелия равнинных угодий и горных пастбищ, обеспечивавших оптимально благоприятные условия для отгонного скотоводства, была заложена детерминированность совмещения кочевого скотоводства и оседлого земледелия.

Поэтому в Курдистане всегда были представлены три хозяйственно-культурных типа: земледелие, кочевое скотоводство и смешанный тип с совмещением занятий полукочевым отгонным скотоводством и земледелием. Социально-политической структурой, на которую был сориентирован курдский этнос до конца XIX столетия, оставалось племя.

В книгах по курдской истории давно присутствуют стереотипы, искажающие представление о социально-экономической и социально-политической жизни в Курдистане. Это связано с неадекватным восприятием прежде всего курдского кочевья, кочевника и племени. Курдистан традиционно принимали за страну, заселенную кочевыми племенами. И племя, и кочевье воспринимались как олицетворение социальной и хозяйственной отсталости. Отсталой объявлялась вся система хозяйственных и социальных структур, которая обеспечивала существование и регенерацию этноса.

Обращение к курдским историческим источникам перечеркивает представление о жизни кочевников в Курдистане как о постоянном передвижении с пастбища на пастбище вслед за своими стадами. Подобные описания, ставшие стереотипами, не отражают ситуацию на кочевье ни весной, ни осенью, ни даже

Селение в Тиари

© Архив ист. сведений ИИР РАН, фонд В. Ф. Микорского

летом. Более того, в летний период перемещения курдских кочевников были минимальными и носили сугубо локальный характер. В течение зимних месяцев жизнь была еще более стационарной. Зимние становища могли находиться в глубоких долинах и ущельях, практиковалась даже аренда домов у оседлого населения. Джафские кочевники на зимних становищах в долинах Шахризура оставались в своих черных шатрах. Кочевой уклад в Курдистане не означал жизни в условиях постоянного перемещения. Речь скорее идет о проживании и ведении хозяйства в условиях палаточного лагеря, а под кочеванием имелись в виду переезды из одного лагеря в другой, при том что число стоянок было весьма ограниченным, а постоянству лагерей и стоянок придавалось даже больше значения.

Кочевое скотоводство и земледелие не были в Курдистане замкнутыми формами хозяйственной деятельности. Производство материальных благ сосредотачивалось то в кочевом скотоводстве — во времена войн и нашествий, то в оседлом земледелии — в периоды относительной стабильности. Построенные на саморегуляции процессы оттока производительных сил из деревни на кочевье и обратно служили гарантом самообеспеченности и самодостаточности экономической жизни региона. Способность этих звеньев хозяйственной

структуры к перестановке в поисках оптимального варианта спасала курдские области от экономического истощения. Поэтому скотоводческое кочевье проявило себя в Курдистане не воплощением хозяйственной и социальной отсталости, а хранителем производительных сил в экстремальные периоды истории.

Традиционной позицией курдов в отношении центра было противостояние и поиск дистанции. Будь курды сугубо земледельческим народом, возможности для поиска дистанции были бы сведены к минимуму, если не к нулю.

В водовороте постоянных политических коллизий в регионе курды едва ли смогли бы сохранить свою этническую общность, если бы в тяжелые времена не имели возможности уходить в горы, где их оплотом служили кочевье и племя. Завоевывающая сторона могла сразиться с курдами, выиграть сражение (далеко не всегда), могла сжечь и разрушить селения и города, но горное кочевье и кочевое мобильное племя покорить было практически невозможно.

Племя сопутствует обозримой истории курдов изначально. Курдские племена можно охарактеризовать как социально-политические и административно-хозяйственные комплексы, построенные на идеологии родства. Племенная общность предполагала наличие твердого ядра из центрального рода (или родов) и неопределенного числа людей, к нему примкнувших. Это могли быть части других племен и целые племена, которые присоединялись в целях политической целесообразности. Консолидирующее ядро из одного или нескольких родов необходимо было в качестве отправной точки для развития идеи родства между всеми членами племени.

Структура курдского племени охватывала все сферы его жизнедеятельности: хозяйственно-производящую и военную. В ведении племени находилась организация трудовых процессов и всей социальной жизни. Пастбища принадлежали всему племенному сообществу и являлись его коллективной собственностью, как и территория для зимнего проживания. Право на миграционный путь (*иль-рах*)⁹, с указанием всех мест расположения и проживания племени в разные времена года, также было достоянием всего племени.

Для внешнего мира была очевидна в первую очередь военная мощь племени, и именно с нею был связан его образ как полувоенного сообщества в перманентном состоянии частичной мобилизации. Хозяйственные функции всегда оставались в тени функций военных, и порой в такой степени, что последние воспринимались как определяющие и чуть ли не единственные. Курдское племя действительно было готово в любой момент отразить удар

9) *Иль-рах* — букв. «путь племени».

и нанести удар упреждающий, и все завоеватели, ступавшие на курдскую землю, сталкивались прежде всего с племенами Курдистана. Именно на них обрушивались мощнейшие удары завоевателей, которые пытались покорить или покарать курдов.

С курдскими племенами хазбани, хаккари, баджнави (башнави) столкнулись во время своего нашествия огузы, предшественники сельджуков. В 1259 году хаккарійское племенное сообщество встретило монгольские полчища, когда армия Хулагу выступила из Азербайджана в Сирию. Но племена хаккари дали мужественный отпор. Военная мощь племенного сообщества просматривается в Курдистане у основания любого правящего дома, независимо от того, отдалился ли он от вознесших его во власть племен или построил на племенной солидарности свою идеологическую платформу, как эмиры Хаккари и Бабана. Военные силы курдских племен были востребованы окружающими государствами во все времена.

Осуществляя защиту извне и поддержание правопорядка внутри, племя, по существу, вело себя как государство. С наибольшей очевидностью просматривается выполнение его внешних функций. Надстроечные институты внутри племени максимально облегчены и упрощены — никакого балласта, ничего лишнего, все сведено к жизненно необходимому минимуму. В результате наличие принудительной власти племенной верхушки признавали и замечали далеко не все авторы, писавшие о курдах. Обычно ограничивались описанием царившего в племенной среде всеобщего равенства, и даже племенная знать воспринималась как *primus inter pares* (первые среди равных). Неосложненность принудительной власти сводила путь от провинности до возмездия к минимуму. Палатка вождя служила и присутственным местом, и судилищем, и местом исполнения приговора.

В курдском племени мы имеем дело не с более низким уровнем развития, а лишь с иным уровнем усложненности. Вместо громоздкого аппарата управления в племени представлена веками отработанная до мелочей, до тонкостей отшлифованная система правопорядка, основанная на традиционных устоях жизни. За кажущейся простотой стоит качественно иной уровень организации, основанный на структурах, органичных курдскому социуму.

Курдское племя является социально-политической структурой — с четкой централизацией власти, ее делегированием сословию бегзаде¹⁰ и даже с вполне различной бюрократией в виде штата помощников, заместителей и секретарей при вожде племени. Племенная структура в Курдистане не стояла вне классовых отношений, она их лишь по-своему оформляла.

10) *Бегзаде* (букв. «дети беков») — так первоначально назывались члены правящего рода в курдских племенах. Впоследствии это понятие стало обозначать принадлежность не только к племенной аристократии, но и к нобилитету вообще.

Максимальная облепченность надстроечных структур дала племени возможности для выживания в середине XIX века, когда были уничтожены курдские эмираты — социально-политические структуры с иным, более высоким уровнем сложности.

Курдских эмиров называли и называют то наследственными государями, то независимыми или полунезависимыми правителями, а их владения — княжествами, мини-государствами, небольшими королевствами. Они получали дарственные грамоты на правление от государей, но эти грамоты лишь подтверждали их право на владение территориями, которые принадлежали им по наследству. Курдские княжества имели свою автономную систему администрации, бюджет и войска.

Вассальный статус не мешал главе эмирата оставаться владельцем земель княжества, верховным администратором, судьей и главнокомандующим в пределах своей территории. Об этом свидетельствует Шараф-хан Бидлиси: «Великие султаны и славные хаканы не притязали на страну и вилайет их (курдов. — *Прим. Е. И. Васильевой*), всецело довольствуясь приношениями, покорностью и обязательством принимать участие в [их] военных действиях и походах, и не пытались завоевать их. А если некоторые из султанов и устремляли все старание на завоевание и покорение Курдистана и переносили неописуемые трудности и лишения, то в конце концов они раскаивались и снова предавали [те земли их] хозяевам»¹¹.

11) Бидлиси, Шараф-хан ибн Шамсадин. Шараф-наме / пер. Е. И. Васильевой. Т. 1. М., 1967. С. 87–88.

Четко и лаконично курдский историограф обозначил требования, предъявляемые центральной властью к курдским эмирам. От них требовалось признание политического верховенства центра, соблюдение ритуала покорности и предоставление ополчений в качестве вспомогательных войск. Все это позволяло курдским правителям сохранять в своих эмиратах всю полноту власти.

Вопрос о включенности племен в структуру эмиратов в каждом конкретном случае решался по-разному. Благодаря своей мобильности и военному потенциалу кочевые племена обладали даже большей независимостью, чем эмираты, и отношения их с правящими домами эмиров строились по той же схеме, что и взаимодействия последних с центром. В периоды политического могущества эмиратов главы племен могли вести себя как вассалы эмиров: соблюдали этикет покорности, участвовали в их военных акциях и даже выплачивали дань. Все зависело от мощи племен. Самые сильные не подчинялись никому, а небольшие племена могли существовать лишь под защитой более мощных политических структур, отдавая себя под их покровительство.

Социальный рубеж, рассекавший курдское общество на сферы потребляющую и производящую, наиболее четко прослеживался в оседлой неплеменной среде¹², где эксплуатация не вуалировалась родоплеменными обычаями. В основном это были крестьяне, на плечи которых ложилась основная тяжесть податного бремени.

Курды-кочевники не только занимались скотоводством, но и выполняли функции воинов. Имущественное неравенство в курдском кочевье было обозначено гораздо контрастнее, нежели в среде земледельческой. Непомерная эксплуатация земледельцев в какой-то степени нивелировала их имущественный статус. В кочевой среде каждый член племенного сообщества имел неограниченное право на выпас скота: одни владели поголовьем скота, исчислявшимся тысячами, другие — десятками голов, самые бедные жили и кормились у богатых родственников и на них работали. К работе по уходу за скотом привлекались и пришлые, чужие люди, которые не имели никаких социальных прав.

В кочевой среде также представлены полярные социальные группы: с одной стороны, кланы вождей племен, сосредоточившие в своем владении несметные стада скота, с другой — неимущий слой работников по уходу за скотом и обслуживанию состоятельных семей. Иллюзия бесклассовости кочевья создавалась в значительной мере за счет того, что одна часть наиболее эксплуатируемого социального слоя (пришлые наемные работники) находилась за пределами племенной структуры, вторая же, представленная бедными соплеменниками, оставалась в тени, под покровом отношений родовой взаимопомощи.

Политическая и социальная жизнь в Курдистане протекала при тесной взаимосвязанности двух структур: эмирата и племени. Элитарные дома Курдистана, стоявшие во главе эмиратов и крупнейших племенных сообществ, находились на вершине социальной пирамиды. Принадлежность к знатному дому для курдского социума составляла суперпрестижную ценность, и благородство происхождения перекрывало все остальные социальные ценности.

Традиционное уважение к собственным (не навязанным извне) структурам власти неизменно сочеталось с неприятием любых регламентаций извне. На неудачу были обречены все усилия покорить курдов, внедрить в их среду чужой язык и культуру, ассимилировать их. Курдистан — место встречи трех миров: иранского, арабского и тюркского, этнокультурное пространство, продуваемое политическими ветрами насквозь. Люди здесь выработали стойкий иммунитет к чуждым влияниям и смогли оградить свой мир от посягательств. Курдистан всегда оставался Курдистаном, даже не составляя единого государства.

12) Племенная структура не накладывалась на все курдское общество. В некоторых областях Курдистана большинство населения составляли курды, не принадлежавшие к племени.

Столетия обозримой курдской истории с VII века до конца XV, предшествовавшие разделу Курдистана, до предела наполнены войнами. Волны нашествий, сметавшие все на своем пути, обрушивались на страну курдов. Временами казалось, сама цивилизация в регионе обрекалась на уничтожение: гибли города, деревни, истреблялись племена.

Первыми под знаменами ислама появились арабы. Закончив в 630 году объединение Аравии, в 651 году они дошли до Амударьи, и могущественная держава Сасанидов рухнула под их натиском. Курдистан стал частью Халифата. Во время недолгого, напряженного противостояния ареной решающих боев стали области Курдистана, а сражением, решившим исход войны, считается битва при Нехавенде¹³, состоявшаяся в 642 году. Со стороны курдов арабы встретили упорное сопротивление при завоевании Хулвана¹⁴, Тикрита, Динавара¹⁵, Мосула, Джебзире¹⁶. Шахризур¹⁷ был занят в 643 году после кровавых боев. Действия курдов, оказавших отпор арабскому наступлению, В. П. Никитин расценил как самое главное в курдской истории с VII по XV век.

13) **Нехавенд** (Нихаванд) — город в юго-восточном Курдистане, население которого, согласно «Иуззат ал-кулуб», составляли курды.

14) **Хулван** — крупный город в юго-восточном Курдистане. В IX веке его население состояло из арабов, персов и курдов, а через четыре столетия Хулван лежал в развалинах.

15) **Динавар** находился в юго-восточном Курдистане, был столицей курдской династии Хасанвайхидов и после походов Тимура превратился в развалины.

16) **Джебзире** (Джизире, Джебзире-Ботан) — область обитания бохтинского племени, на древних картах обозначалась как «королевство Ботанов» — Imperium Bohtanorum.

17) **Шахризур** — обширное равнинное пространство к юго-востоку от современной Сулеймании. Арабские географы писали о городе Шахризур, но после XIV века упоминания о нем отсутствуют.

18) **Дейлем** — высокогорный район к юго-западу от Каспийского моря.

В Курдистане наместники халифа не чувствовали себя в полной безопасности не только в горах, но и в укрепленных замках, которыми они обзаводились сразу после своего назначения. Перед новым правителем ставилась первоочередная задача: сразиться или договориться с курдами. Каждое столетие в тот период было отмечено мощными курдскими восстаниями независимо от того, стояли ли у власти халифы династии Омейядов (661–750), Аббасиды (750–1258) или клан Буидов из Дейлема (935–1055)¹⁸. Центр сам по себе вызывал у них неизменную негативную реакцию как система регламентаций извне.

Начались курдские выступления в Хулване и Динаваре уже при халифе Османе (644–656), в 653 году взбунтовались курды Динавара, в 685 году снова началось восстание в Хулване. Около 764–767 годов вспыхивали волнения в Мосуле и Хамадане, в конце VIII — начале IX века — в Мосуле и Джебзире-Ботан.

Самым мощным курдским движением за все время владычества Халифата считается выступление курдов Мосула в конце 30-х годов IX века во главе с представителем знатной курдской фамилии Джафаром ибн Фараджисом. Повстанцы захватили значительную территорию между Мосулом, Азербайджаном

и Арменией и в горах Дасина разгромили войска халифа. На усмирение направили тюркскую гвардию, и через пять лет курдские восстания в районах Джебелья¹⁹ и Фарса были жестоко подавлены.

Выступления курдов происходили в 897 и 902 годах, последнее — в Шахризуре, а вскоре вспыхнуло новое крупное восстание в Мосуле, второе по размаху после движения во главе с Джафаром ибн Фараджисом. На этот раз повстанцев возглавлял Мухаммад ибн Биалал. Когда началась расправа, восставшие ушли в горы и там укрылись, чтобы через два года подняться снова и захватить несколько районов Мосула.

В 906 году могущественное курдское племя хазбани при содействии джалалийцев опустошило район Ниневии. Потребовалось немало усилий для их усмирения, но в 913 году они поднялись снова. Примерно в 906 году правительственные войска усмиряли племя хумайди и наводили порядок в горной области Дасин, в 921 году в одном из округов Мосула возросло курдское племенное сообщество аль-маранийя.

Курды не только сами поднимали восстания, они охотно поддерживали все крупные выступления против центра, а Халифат в правление Омейядов и Аббасидов потрясло не одно мощнейшее движение. Были данные выступления (хирритов, хариджитов, хуррамитов, маздакитов, карматов) идеологически окрашенными или нет — для курдов это обстоятельство большого значения не имело. Для них участие в восстании давало возможность прежде всего выразить свое недовольство центром.

Распространение ислама в Курдистане было связано с большими трудностями. Навязать религию такому народу, как курдский, который в процессе своей непростой истории сумел выработать стойкий иммунитет к любым влияниям и воздействиям извне, весьма проблематично. Поэтому, вероятнее всего, те, кто предпочли сохранить верность езидской вере, продолжали ее исповедовать, несмотря на все преследования, но большая часть курдов приняла ислам. И это неудивительно, поскольку, как и все религии мирового масштаба, ислам обладал могучей притягательной силой, и приобщение к миру ислама стало фактором, определившим всю последующую историю курдов.

*Гробница Эсфири и Мордехая.
Хамадан*

© Архив востоковедов ИВР РАН,
фонд В. Ф. Минорского

19) *Джебель аль-Акрад* (араб. «горы курдов») — так называли ранние арабские географы страну курдов. Впоследствии Джебель — название провинции в Халифате, охватывавшей районы юго-восточного Курдистана.

При всем отторжении, которое вызывал у курдов центр и его властные структуры, при множестве повстанческих акций, направленных против Омейядов и Аббасидов, отношение курдов к обеим династиям халифов имело свои особенности. Последующие столетия возвысили имя Аббасидов в сознании курдов, и оно стало вызывать безусловное уважение. Свидетельство тому — присутствие имен аббасидских халифов у основания родословного древа трех выдающихся домов Курдистана: эмиров Хаккари, Бахдинана (Бадинана) и Че-

20) Бидлиси, Шараф-хан ибн Шамсаддин. Шараф-наме. Т. I. М., 1967. С. 409. По всей видимости, имеется в виду династия азербайджанских атабеков Ильдегизидов (1137—1225), утвердившихся в областях северо-западного Ирана и Джебеля.

21) *Атабек* (тюрк. «отец-военачальник»). Атабеками во времена сельджуцких султанов назывались военачальники, которых на первых порах приставляли в качестве воспитателей к сельджуцким принцам, назначавшимся наместниками провинций. Довольно часто в руках этих наставников сосредотачивалась вся власть, и они становились основателями местных династий. Именно так произошло с династиями Загидов, Ильдегизидов, Салгуридов.

мишгезека. У корней генеалогического древа эмиров племени сулеймани стоит последний халиф из династии Омейядов — Марван II (744—750). В конце XVI столетия курдский историкограф Шараф-хан Бидлиси уже не воспринимал арабские походы в Курдистан под знаменами ислама как завоевание. По его словам, «первыми, кто в давние времена посягнул на вилайет правителей Курдистана, были Сельджуки Азербайджана»²⁰.

Заметим, что в конце своего правления и Омейяды, и Аббасиды использовали военную помощь курдов. Омейядов курды поддерживали в борьбе с поднимающимися Аббасидами в середине VIII века, аббасидские халифы обратились за помощью к курдам, и в частности к курдскому племени хумаиди, в XII веке, пытаясь избавиться от опеки тюркских атабеков²¹.

Процесс политического ослабления и распада Халифата завершился с усилением дейлемитской династии Буидов: в 945 году они захватили Багдад и оставили халифу лишь духовное верховенство. Территория Халифата, утратившего стержневую властную структуру, распалась на удельные княжества. В Курдистане утвердились арабская династия Хамданидов (905—1004) и дейлемитский клан Зийяридов (927 — ок. 1090), вскоре потесненные курдскими правителями — Хасанвайхидами (959—1015) и Марванидами (985—1085), а также другими, менее известными курдскими династиями. Все они через столетие были сметены нашествием тюрков-сельджуков.

Государство Сельджукидов, провозглашенное в 1038 году Тогрул-беком, возникло в результате завоеваний кочевых огузо-туркменских племен, составлявших ядро сельджуцкого племенного объединения.

Тюркские походы начались в конце X века и привели к незамедлительному столкновению с курдами — их кочевые племена использовались властями Халифата для защиты границ. Сражения произошли в 1020 году под Хамаданом

и в 1024–1029 годах в Фарсе и Хузистане. Затем огузы прошли к Мераге и к озеру Урмия и после кровопролитных боев с курдским племенем хазбани устремились к Мосулу, разорив земли хаккарийцев. Однако стоило тюркам-огузам оказаться в горах, как последовали курдские атаки, и противник понес большие потери. Но вскоре были захвачены Джебель, Керманшах, Луристан, в 1055 году взят Багдад, и через два десятилетия держава Сельджукидов простиралась от Амударьи до Египта и Йемена. Уже в конце XI века она распалась на атабекства и султанаты, правители которых лишь номинально подчинялись центру.

Отношения курдов с династиями сельджукских атабеков, утвердившихся в центральном и южном Курдистане, изначально были напряженными, особенно с Зангидами (1127–1222) в Мосуле и Артукидами (1102–1408) в Дيارбекире. Мосульские атабеки вторгались на территории курдских племен хумайди, хаккари и баджнави, захватывали их крепости. Курды, как всегда, активно защищали свои земли и наносили ответные удары.

С приходом к власти в Египте и Сирии курда Салах-ад-дина (Саладина) Айюбида (1169–1193) Зангидам и Артукидам пришлось на время прекратить свою агрессию в отношении курдов. Созданная султаном Салах-ад-дином держава находилась за пределами Курдистана, но власть Айюбидов простиралась над центральным и южным Курдистаном через вассальный статус династий тюркских атабеков, который они были вынуждены принять. Курды и курдские племена воевали в рядах армии Айюбидов, откликнувшись на призыв султана Салах-ад-дина к участию в войне с крестоносцами. Значительное число курдов служило в военном и гражданском ведомствах империи Айюбидов. Поэтому, хотя династии сельджукских атабеков и продолжали править в Дيارбекире, Мосуле и Эрбиле, их власть практически была сведена султаном Салах-ад-дином к нулю.

Свои позиции атабеки Мосула укрепили в XIII веке, уже после смерти султана Салах-ад-дина. Они усилили свое давление на племена хумайди и хаккари, заняли Амадию. В 1185 году начались туркмено-курдские конфликты, и война между курдами и туркменами распространилась на Сирию, Дيارбекир, Джезире, Мосул, Ахлат, Шахризур и Азербайджан.

Салах-ад-дин

© DIOMEDIA/Science Source

В начале XIII века из глубин Центральной Азии появились кочевые монгольские племена, которые вскоре завоевали огромную территорию от Тихого океана до Черного и Средиземного морей.

22) Иранская династия хорезмшахов произошла из Хорезма, расположенного в нижнем течении Амударьи.

В 1219 году армия монголов атаковала государство хорезмшахов²². Правление последнего представителя этой династии Джалал-ад-дина (1220–1231) прошло в героических, но безуспешных усилиях не пустить монголов на Средний Восток, и организованное им сопротивление закончилось в южном Курдистане. Спасаясь от натиска, он с оставшимися войсками укрылся среди курдов Диарбекира и вскоре погиб.

Монгольские нашествия на курдские земли следовали одно за другим.

Чингиз-хан и его полководцы ввели в практику организованные опустошения территорий и массовую резню населения. Действуя такими методами, после 1231 года монголы привели в запустение плодородные области Шахризура, Диарбекира и Ахлата. Районы Эрбиля подверглись троекратному разорению. Курды редко упоминаются в источниках эпохи ильханов²³ (1256–1353), крайне

23) Династия монгольских ильханов, правившая в Иране, основана внуком Чингиз-хана — Хулагу, который обрушил на мусульманский мир новую волну завоеваний.

малочисленные факты их сотрудничества с монголами. Выработанный столетиями инстинкт самосохранения вел их в горы, на кочевье, где они были вынуждены оставаться, внимательно наблюдая за ситуацией. Провинция Курдистан, образованная в правление султана Санджара, была монголами захвачена, а ее административный центр перенесен из крепости Бахар в Султанабад.

Во время похода Хулагу (1256–1265) на Багдад в 1258 году сильно пострадал Керманшах, где, по свидетельству персидского историографа Рашид-ад-дина, монголы учинили резню и грабеж²⁴. Перед взятием Багдада Хулагу послал войска взять Эрбиль, и здешний правитель Тадж-ад-дин ибн Салай подчинился монголам, «вышел [из крепости], покоровшись, и собрался оказать достойные услуги»²⁵. Однако курды, находившиеся в эрбильской крепости, которая, по словам Рашид-ад-дина, «не имела себе равной на обитаемой четверти земного круга»²⁶, покоровшись не согласились. Ночью они вышли из крепости, напали на монголов и перебили всех, кого нашли,

24) Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. А. К. Аренда. Т. 3. М.: Л., 1946. С. 40.

25) Там же. С. 47.

26) Там же.

а затем возвратились в крепость. Цитадель Эрбиля удалось взять позднее с помощью мосульского атабека, но бои там не прекратились.

В 1259 году, когда армия Хулагу выступила из Азербайджана в Сирию, в горах Хаккари была устроена резня курдов, захвачены Джезире-Ботан, Диарбекир, Майяфарикин и Мардин. Упомянуется сопротивление, оказанное мосульскими курдами, которые бесстрашно вышли навстречу монголам.

Следующий ураган завоеваний, пронесшийся над страной курдов, связан с грозным именем Тимура (1370—1405). Однако это нашествие, по всей видимости, глубинного воздействия на Курдистан не оказало. Как заметил В. Ф. Минорский, оно имело транзитный характер²⁷, и Тимур трепетать Курдистан не заставил. При первом удобном случае курды наносили «обладателю счастливого сочетания звезд»²⁸ чувствительные удары, как это имело место в 1400—1401 годах в Курдистане под Амадией, где ему, по словам В. Ф. Минорского, «пришлось очень плохо»²⁹.

27) Minorsky V. Kurds, Kurdistan // The Encyclopaedia of Islam. 2nd Edition. Vol. 5 (Khe—Mahi). Leiden, 1986. P. 455.

28) Так именовали эмира Тимура в своих хрониках персидские историографы.

29) Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915. С. 8.

Могущественные конфедерации туркменских племен кара-коюнлу и ак-коюнлу³⁰, потесненные монголами, появились на политическом горизонте Курдистана еще до Тимура. Их усилия привели к власти две соперничающие династии: султанов Кара-Куюнлу (1380—1468) в Тебризе и султанов Ак-Куюнлу (1378—1508) в Диарбекире.

На появление Тимура и его армий «чернобаранные» и «белобаранные» султаны отреагировали по-разному. Кара-Юсуф Кара-Куюнлу покорности не выразил и в результате был вынужден бежать в Египет. Ак-Куюнлу подчинились Тимуру, сражались на его стороне с Османами и в награду получили Диарбекир. Таким расклад политических сил был на начало XV столетия — период, освещенный еще очень слабо при всей его значимости для курдской истории. Как писал В. Ф. Минорский, династии Кара-Куюнлу и Ак-Куюнлу «проникли в самое сердце Курдистана»³¹.

30) Букв. «чернобаранные» и «белобаранные» (названы так по изображенным на знаменах родовым символам, обозначающим соответственно черного и белого барана).

31) Minorsky V. Kurds, Kurdistan // The Encyclopaedia of Islam. 2nd Edition. Vol. 5 (Khe—Mahi). Leiden, 1986. P. 457.

Отношения с курдскими правителями и племенами складывались у двух туркменских династий тоже по-разному. Утверждение султанов Кара-Куюнлу не сопровождалось сменой господствующей курдской элиты и перераспределением земельного фонда, что имело место при султанах Ак-Куюнлу. По возвращении из Египта после смерти Тимура Кара-Юсуф Кара-Куюнлу прибег к помощи предка Шараф-хана Бидлиси — эмира Шамсадина Бидлиского. Стороны породнились и в дальнейшем оказывали друг другу всемерную поддержку. С помощью бидлиского эмира и племени рузеки Кара-Юсуф восстанавливал свои позиции, и к середине XV века большинство правителей курдских княжеств признали себя вассалами Кара-Куюнлу. Эмиру Бидлиси, своему зятю и союзнику, 27 апреля 1417 года Кара-Юсуф пожаловал грамоту, текст которой приводится в «Шараф-наме». Грамота подтверждала союзнические отношения двух династий и верховенство Кара-Куюнлу.

Приход к власти Ак-Коюнлу и в особенности правление Узун-Хасана (1453—1478) вызвали к жизни политику, направленную на ослабление и даже искоренение курдской правящей элиты и племен — под предлогом расправы над сторонниками Кара-Коюнлу. Разгромив в 1467 году армии султанов Кара-Коюнлу, Узун-Хасан занял большую часть страны курдов. Под властью наместников Ак-Коюнлу оказались области Курдистана, где до этого независимо правили курдские эмиры. Однако могущество династии вскоре стало клониться к закату, не помогло и вхождение в антиосманскую лигу. Напрасно Венеция пыталась поддержать Узун-Хасана в его противостоянии с Османами, организовав доставку оружия. Венецианские пушки частично оказались у турок, частично — у курдов. В схватке с Османской Турцией султаны Ак-Коюнлу не устояли и в конце XV столетия ушли в политическое небытие. На пороге стоял XVI век, поворотный для курдской истории и определивший дальнейшую судьбу народа.

Начало XVI столетия стало отправной точкой многолетнего военного противостояния Османской и Сефевидской империй, и Курдистан оказался в эпицентре военных действий.

Позиция глав курдских эмиратов и племен сразу приобрела в войне двух держав решающее значение. Чтобы получить их поддержку, обе стороны обрушили на курдов давление огромной силы, и курды вынуждены были участвовать в боях на той и другой стороне. Первое крупномасштабное сражение между армиями османского султана Селима I и сефевидского шаха Исмаила I состоялось 23 августа 1514 года в долине Чалдыран, и оно принято за точку отсчета политической разделенности Курдистана. За битвой последовали новые военные действия,

но историческая традиция прочно увязала истоки этой курдской трагедии с 1514 годом.

В 1555 году в городе Амасья султан Сулейман I «продиктовал» шаху Тахмаспу I условия первого перемирия и проведения турецко-персидской границы, которая прошла по Курдистану и рассклала его надвое. Трактат о границе был подписан султаном Мурадом IV и шахом Сефи I в августе 1639 года в курдском округе Зохаб: она прошла по исконно курдским землям и обрекла страну курдов на унижительный статус политической разделенности.

Сулейман I. Миниатюра из рукописи

© Отдел рукописей ИВР РАН

*Перестрелка персов и курдов на Кавказе. 1847 г.
Художник Г. Г. Гагарин*

© The New York Public Library

Договоренность турецкой и персидской сторон, достигнутая в 1639 году, не была окончательной, их военное противостояние продолжалось до 1914 года, начала Первой мировой войны. За Зохабским трактатом последовали другие договоры, а также разделы и переделы Курдистана. Страна курдов расплывалась за все опустошением своих областей и тысячами курдских жизней.

Курдистан все это время находился в состоянии неповиновения. В начале XIX века начался процесс этнополитической консолидации, и волны курдского движения прокатывались из эмирата в эмират, пока не приняли лавинообразный характер. В 1842 году эмир Бохтана Бадырхан заявил о независимости и призвал курдских эмиров и правителей к объединению в Священный союз. Восстание подавили, а к середине XIX века с эмиратами в стране курдов было покончено — последним пал в 1867 году эмират Арделан. Однако покорить курдов, прервать процесс этнополитической консолидации не удалось ни Турции, ни Персии. Курдистан поднимался на борьбу в 50-х и 80-х годах XIX века. Восставшие были едины в своей цели — создании курдского государства.

После окончания Первой мировой войны и развала Османской империи, при разделе ее наследства, в 1918 году вспомнили и про курдов. Но через два года про них забыли, и Курдистан был поделен уже на четыре части — четвертован.